

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ВОПРОС О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА¹

Великая отечественная война сделала актуальными многие вопросы уголовного права, которые ранее имели менее существенное значение. Как во время войны с Германией и Японией, так и в послевоенный период возникал и возникает ряд сложных вопросов, относящихся к различным областям Общей части уголовного права. К числу таких вопросов должен быть отнесен и вопрос о пределах действия советского уголовного закона.

Общей тенденцией в уголовном праве иностранных государств по вопросу о пределах действия уголовного закона в последние десятилетия было стремление к максимальному расширению сферы действия национального законодательства. В Германии как до первой мировой войны, так и в особенности после 1933 г. этот процесс находил особенно широкое проявление. Но и в других странах хотя и не столь ярко выражено подобные стремления имели место, что находило свое выражение в распространении реального принципа применения законов.

Как известно, реальный принцип действия уголовного закона принят в настоящее время в ряде законодательств. Так, швейцарский уголовный кодекс применяется ко всякому, кто совершит за границей преступление или проступок против государства (ст. ст. 265—268, 270, 271), окажется виновным в шпионаже (ст. ст. 272—274) или совершит проступок, предусмотренный ст. 275 (недозволенные объединения), или нарушит военную безопасность (ст. ст. 276 и 277). Если виновный отбыл за границей полностью или частично наказание за свое деяние, то отбытое наказание подлежит полному зачету (ст. 4).

Швейцарский кодекс применяется также и в отношении совершивших за границей преступление или проступок против швейцарца, если деяние по месту совершения наказуемо и если винов-

¹ Настоящая статья является переработанной и дополненной стенограммой доклада на научной конференции ВЮА. Печатается в порядке обсуждения.

ный находится в Швейцарии и не подлежит выдаче за границу или если он выдан Швейцарскому Союзу именно за это деяние. Если для виновного более благоприятен закон места совершения деяния, для таковой и подлежат применению. Виновный не наказывается за то таковой и подлежат применению. Виновный не наказывается за совершенное преступление, если он отбыл наказание, к которому был приговорен за границей, или если он освобожден от отбытия наказания, или если оно погашено давностью (ст. 5).

Реальный принцип применяется также в датском уголовном законодательстве, где устанавливается, что: «К компетенции датской карательной власти относятся также действия, совершенные вне территории датского государства безотносительно к национальности лиц, совершивших их: 1) если действия посягают на независимость и безопасность, на конституцию или органы публичной власти датского государства, направлены против обязанностей должностного лица по отношению к государству или же интересам, законная охрана которых предполагает особую связь с этим последним; 2) если действия составляют нарушение долга, выполнения которого за границей предписывается совершителем законом, или нарушение служебного обязательства, которое на него падает по отношению к датскому суду» (ст. 8).

Реальный принцип имелся также в итальянском кодексе 1930 г., где устанавливалось, что: «наказывается по итальянскому закону иностранец, совершивший за границей какое-либо из следующих преступных деяний: 1) преступление против личности (personalite) в государстве; 2) подделку или употребление поддельной государственной печати; 3) подделку денежных знаков, имеющих законную платежную силу на территории государства, или гербовых бумаг, или облигаций итальянских публичных займов; 4) преступления должностных лиц, совершенные ими с злоупотреблением властью или с нарушением обязанностей, вытекающих из их функций; 5) всякое другое преступное деяние, за которое специальные постановления закона или международные соглашения устанавливают применение итальянского уголовного закона» (ст. 7).

Применение реального принципа было введено в 1940 г. в германский уголовный кодекс. Законом от 6 мая 1940 г. устанавливалось, что за следующие преступления, совершенные иностранцами за границей, применяется германское уголовное законодательство: 1) преступления, совершенные представителем германской государственной власти или солдатом, или лицом, принадлежащим к организации государственной трудовой повинности; преступления, совершенные против лиц, состоящих на службе государства или партии, или против солдата, или против сотрудника организации государственной трудовой повинности, или в связи с их деятельностью; 2) мятежные или изменнические действия против германского государства; 3) преступления, связанные со взрывчатыми веществами; 4) торговлю женщинами и детьми; 5) выдачу промышленной или деловой тайны германского предприятия; 6) ложные показания по делу, которое находится в производстве в германском

суде или другом германском органе, правомочном к принятию свидетельских показаний; 7) подделку денежных знаков и проступки в отношении денежной системы; 8) незаконную торговлю наркотиками; 9) торговлю порнографическими произведениями.

Тенденция фашистского германского уголовного законодательства и германского уголовного законодательства вообще уже издана заключалась в стремлении распространить действие германских уголовных законов чрезвычайно широко. В этом отношении особенно известным является закон о так называемом «двугражданстве». 22 июля 1913 г. в Германии был издан закон Дельбрюка о двойном подданстве, вызвавший тогда справедливое негодование всех цивилизованных стран. Закон этот разрешил каждому немецкому подданному при выполнении незначительных формальностей сохранять германское подданство и по принятии подданства другой державы.

Выступая при обсуждении проекта этого закона в рейхстаге, Дельбрюк говорил: «В новом законе о подданстве, проект которого вы сегодня будете рассматривать, вопрос идет вовсе не о том, чтобы коренным образом изменить постановление, касающееся приобретения или потери подданства, а лишь о том, чтобы видоизменить некоторые постановления старого закона, уже не соответствующие нашим внутренним и внешним политическим и экономическим стремлениям, и первое, что мы делаем в новом законе, это отмечаем потерю немецкой национальности из-за десятилетней давности пребывания эмигранта за границей. Мы считаем необходимым вычеркнуть из списка германских подданных только лиц, натурализованных в другом государстве, но мы вполне признаем и тот случай, когда немец, покинувший Германию, может иметь веские причины для принятия нового подданства, которые ему не помешают быть равностным блюстителем интересов его прежней отчизны. Тот, кто теперь покидает свою родину, зачастую делает это не для того, чтобы уйти из ее политической и экономической жизни. Разве огромной частью эмигрантов не продолжает руководить стремление к активной работе на благо политического и экономического развития их прежнего отечества?»¹

Таким образом, большое число иностранных граждан уже тогда могло рассматриваться также и как германские подданные и, значит, подлежать действию германских уголовных законов.

Фашистское германское законодательство в пространстве, ишедшее своего уголовного законодательства в пространстве, ишедшее свое выражение в тексте закона от 6 мая 1940 г., которым были изменены редакции параграфов 3—5 StGB и исключен из кодекса § 37 StGB (текст закона мы приведем выше), или по линии гражданства от развития этих положений. Закон об имперском гражданстве от 15 сентября 1935 г. (который закона Дельбрюка не отменял) устанавливал, что «принадлежит к государству тот, кто принадлежит

¹ «Итава» (список в приложении) № 12 от 1911 г., стр. 671—674.

к защитному союзу немецкой империи и в силу этого несет перед ней особые обязанности» (ст. 1).

По мнению Тиссини, «основное положение нового закона (от 5 мая 1940 г.) заключалось в том, что каждый немец должен искать и находить свое право перед немецким судом»¹.

Комментируя этот же закон, Мецгер считал, что особое значение имеет пункт, устанавливающий, что по германскому уголовному кодексу судятся немцы вне зависимости от того, где они совершили преступление — внутри страны или за границей. «Старое германское право снова, таким образом, возвращается», «но ранее, — пишет Мецгер, — это было право племен».

Эти изменения, по мнению Мецгера, были связаны с двойной целью уголовного права: создать действительную охрану правопорядка и бороться против антиобщественного поведения единоплеменных. Мецгер исходил из того, что немец должен за границей всегда помнить, что он представляет германский народ. По его мнению, это относилось также и к таким немцам, которые родились за границей и никогда в Германии не были. По его мнению, следует брать в основу кровное родство².

Таким образом, фашистское законодательство и фашистская теория уголовного права обосновывали возможность широкого распространения германского уголовного законодательства на иностранцев.

С другой стороны, программа NSDAP устанавливала, что «кто не является германским гражданином, тот должен жить в Германии только в качестве гостя и должен подпадать под чужие законы» (ст. 5), и этим создавалась основа для издания специальных террористических законов в отношении лиц, принадлежащих к другим национальностям.

В японском уголовном кодексе 1907 г. устанавливалось, что «японский уголовный закон распространяется на всех лиц, которые вне государства совершат преступления, предусмотренные §§ 73—76, 77—79, 81—89, 148, 154, 155, 158, 162, 163, 164—166» (§ 2).

Реальный принцип действия закона не применяется в Англии, но и там еще 7 октября 1942 г. лорд Мохэм говорил в палате лордов о необходимости изменить действующее законодательство, так как «при существующем законодательстве английский суд не может преследовать немца за преступления, совершенные против англичанина, если преступление совершено вне Великобритании, любой немец, убивший англичанина в германских лагерях для военнопленных, может после войны поселиться в Англии и благоденствовать в уверенности, что никто не имеет права тронуть его»³.

¹ I. Thiesing, Deutsches Recht, 1941, H. 18, s. 980.
² Edm. Mezger Der Geltungsbereich des deutschen Strafrechts Deutsches Recht, 1940, H. 27, s. 1077.
³ «Правда» № 283 от 10 октября 1942 г.

В иностранном уголовном праве уже и до войны отмечалась также тенденция к унификации уголовно-правовых норм по отдельным преступлениям во всех государствах. Вследствие чего в некоторых законодательствах также встречается указание на применение универсального принципа действия уголовных законов.

Таким образом, большое число современных законодательств исходит из применимости реального принципа в деятельности своих судебных органов, и у Советского Союза нет оснований для исключения его.

Советское уголовное законодательство, как отмечалось уже и до войны, страдает существенными пробелами в вопросе о пределах его действия. К числу таких недостатков должно быть отнесено в частности отсутствие в законе реального принципа действия закона. Это отсутствие в законе реального принципа действия не может быть признано теоретически правильным, а практически неизбежно вызывало и будет вызывать серьезные трудности.

Еще в 1938 г. в редакционной статье журнала «Проблемы социалистического права» указывалось на то, «что у нас нет оснований отказываться от уголовной ответственности иностранцев, совершивших против Союза ССР тяжчайшие преступления за границей и оказавшихся в дальнейшем по каким-либо основаниям на территории СССР»¹.

А. Из числа вопросов, возникавших в период войны, о действии советского уголовного закона одним из первых следует поставить вопрос о действии советского уголовного закона на советских территориях, которые были временно оккупированы врагом. Следует считать действие советских законов на этих территориях никогда не прекращавшимся. Все эти территории должны быть рассматриваемы, как юридически входившие в состав Советского государства и тогда, когда они были временно оккупированы, и значит, на все преступления, совершенные на них, должно быть распространено на общих основаниях действие советских уголовных законов.

Еще 11 декабря 1941 г. постановление Пленума Верховного суда СССР «О порядке рассмотрения дел в отношении лиц, совершивших преступления в местностях, временно занятых неприятелем», устанавливало, что «согласно ст. 1 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, все лица, находящиеся на территории СССР (кроме пользующихся экстерриториальностью иностранных граждан), подлежат за совершенные на территории СССР преступления ответственности по уголовным законам места совершения преступления».

Преступления, совершенные гражданскими лицами, подданными иностранных государств, не пользующимися правом экстер-

¹ «Проблемы социалистического права» 1938 г. № 6, стр. 12.

риторичность, против интересов Советского государства и советских граждан на временно оккупированной территории СССР (взблески, убийства, насилие и т. д.) подсудны советским судам по советским законам.

Б. В военной и послевоенной практике возникает вопрос о том, какие законы — законы оккупированного государства, в частности СССР, или законы той страны, на территории которой и в отношении которой рассматривается дело, должны действовать. Очевидно, этот вопрос должен быть разрешен различно, в зависимости от того, в отношении какого государства и какой категории лиц и в каком преступлении он практически разрешается.

На территориях фашистской Германии и ее бывших сателлитов, занятых советскими войсками в результате оккупации, во время войны или после окончания войны следует исходить из советских законов, нормы международного права и соглашений, заключенных между нами и соответствующими государствами.

На территориях врага, занятых советскими войсками, следует различать три группы лиц:

I. Советские военнослужащие и гражданские лица.

II. Граждане вражеского государства, на территории которого находятся советские войска.

III. Военнослужащие вражеского государства, на территории которого находятся советские войска.

Гагская конвенция 1907 г. устанавливала, что «с фактически переходом власти из рук законного правительства к занявшему территорию неприятель последний обязан принять все зависящее от него меры к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважать существующие в стране законы, буде к тому не встретится непреодолимого препятствия. С освобождением занятой неприятелем территории сила национальных законов, естественно, восстанавливается в полной мере» (ст. 43).

В отношении жителей занятых войсками неприятельских областей Восточный устав царской России устанавливал, что они подлежат ответственности по военным законам: 1) за деяния, означенные в прокламации главнокомандующего, и 2) за деяния, совершаемые ими при участии лиц, подлежащих военному суду (ст. 263).

Германское ВВСГ устанавливала, что «иностранин или немец, который на оккупированной немецкими войсками территории совершил деяние, наказуемое по германским законам, направленное против немецких войск или лиц, принадлежащих к ним, или против власти, установленной президентом, карается так же, как если бы он соответствующее преступление совершил на территории Германии» (§ 161).

В существующих сейчас условиях следует исходить из того, что во всех странах, где действовало фашистское законодатель-

ство, в отношении местного населения оно должно быть полностью отменено и должно быть восстановлено и действовать законодательство, действовавшее в этих странах ранее до захвата фашистами власти и свои руки в соответствующих странах (так уже фактически обстоит дело в настоящее время).

В соответствии с законом № 4 «О реорганизации немецкой судебной системы», принятым на десятом заседании Контрольного совета в Германии от 30 октября 1945 г., юрисдикция немецких судов не распространяется на «уголовные преступления, направленные против союзных оккупационных войск» (п. «а» ст. III), а также на дела, «по которым привлечены к уголовной ответственности военнослужащие союзных войск или подданные союзных государств» (п. «в» ст. III).

В. Иностранцы граждане как гражданские лица, так и военнослужащие, совершившие преступления против советских граждан на территориях союзников, освобожденных советскими войсками, также должны быть подсудны советским судам по советским уголовным законам. В тех случаях, когда специальными соглашениями было предусмотрено иное (Соглашения Союза ССР с Польшей, Чехословакией и т. д.), действие советских законов распространялось только на случаи совершения подобных деяний в зоне боевых действий, а в остальных случаях действовало уголовное законодательство государства, на территории которого совершено преступление.

На территориях наших союзников, освобожденных советскими войсками, следует различать также три категории лиц:

а) советских военнослужащих и гражданских лиц,

б) военнослужащих союзного государства,

с) гражданских лиц союзного государства.

Ряд соглашений, заключенных между правительством Советского Союза и правительствами наших союзников, на территориях которых находились и находятся советские войска, регулирует во многих случаях подсудности отдельных категорий лиц, указанных выше. Так, Соглашение между правительством Советского Союза и Польским комитетом национального освобождения об отношениях между советскими Главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши от 26 июля 1944 г. устанавливало, что «все лица, принадлежащие к польским вооруженным силам, будут подчинены польским военным законам и уставам. Этой юрисдикции будет подчиняться также и гражданское население на польской территории даже и в тех случаях, когда это касается преступлений, совершенных против советских войск, за исключением преступлений, совершенных в зоне военных операций, которые подлежат юрисдикции советского Главнокомандующего. В спорных случаях вопрос будет разрешаться по взаимному соглашению между советским главным командованием

и уполномоченным Польского комитета национального освобождения» (ст. 7).

Соответственное положение имелось и в Соглашении об отношениях между советским главнокомандованием и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии, заключенном в Лондоне 8 мая 1944 г., которым устанавливалось, что «все лица, принадлежащие к чехословацким военным силам, будут подчиняться также и гражданское население. Этой юрисдикции будет подчиняться также и в тех случаях, когда это не на чехословацкой территории даже и в тех случаях, когда это не касается преступлений, совершенных против советских (союзнических) войск, за исключением преступлений, совершенных в зоне военных операций, какие подлежат юрисдикции советского главнокомандования. В спорных случаях вопрос будет решен взаимным соглашением между советским (союзным) главнокомандованием и чехословацким правительственным уполномоченным» (ст. 7).

В отношении советских военнослужащих Соглашение с Польшей устанавливало, что лица, принадлежащие к советским войскам на территории Польши, будут подчинены юрисдикции советского главного командования (ст. 7); такое же положение имелось в Соглашении с Чехословакией, где говорилось, что «все лица, принадлежащие к советским (союзническим) войскам на территории Чехословакии, будут подчиняться юрисдикции советского (союзного) главнокомандования» (ст. 7).

В соответствии с этим следует полагать, что и на преступления, совершенные военнослужащими союзных армий, входящими в состав военных частей и соединений, действующих на нашей территории, не распространяется действие советских уголовных законов. Эти лица являются экстерриториальными и должны быть подсудны судам своего государства по его законам.

Более детально был разработан вопрос о подсудности отдельных категорий лиц в «Соглашении о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после ее освобождения союзными экспедиционными силами». Согласно этому Соглашению от 16 мая 1944 г., «Личный состав норвежских вооруженных сил, состоящий в норвежских частях, находящихся с экспедиционными силами союзников на норвежской территории, подлежит исключительно юрисдикции норвежских судов. Все другие норвежцы, которые во время вступления в Норвегию в составе экспедиционных сил союзников будут находиться в условиях, подчиняющих их действию законов морских, военных или воздушных сил союзников, для этой цели не будут рассматриваться входящими в личный состав норвежских вооруженных сил» (ст. 6). «В осуществлении юрисдикции над гражданскими лицами норвежское правительство примет необходимые меры для обеспечения быстрого разбора дел расположенными поблизости норвежскими судами для гражданских лиц, совершивших проступки против личного состава, имуще-

ства или безопасности вооруженных сил союзников, не нанося, однако, ущерба власти главнокомандующего, который может, если трибунала любое лицо, обвиняемое в совершении проступка такого характера» (ст. 7). «Без нанесения ущерба, предусмотренного в п. 15, военные суды будут осуществлять исключительную юрисдикцию над общим личным составом союзных вооруженных сил и над этих вооруженных силах, но обслуживающими их и подпадающими под действие законов морских, военных или воздушных сил союзников. Вопрос о юрисдикции в отношении таких моряков торгового флота, на которых не распространяется действие военных законов союзников, требует особого рассмотрения и должен явиться предметом отдельного соглашения» (ст. 8).

«Освобождение от норвежской ... юрисдикции, согласно п. 8, ... будет распространяться на таких избранных гражданских должностных лиц и служащих союзных правительств, находящихся в Норвегии по долгу службы, для содействия целям союзных экспедиционных сил, о которых главнокомандующий будет время от времени уведомлять компетентные норвежские власти» (ст. 14). «В случае возникновения в будущем обстоятельств, требующих предусмотреть осуществление юрисдикции в гражданских делах над лицами не норвежской национальности из личного состава союзных вооруженных сил, находящихся в Норвегии, союзные правительства, к которым это имеет отношение, и норвежское правительство будут совещаться между собой относительно мер, которые следует принять» (ст. 15).

«Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию трех восточных провинций Китая в связи с настоящей совместной войной против Японии» от 14 августа 1945 г. также установило, что «все лица, принадлежащие к советским вооруженным силам, на китайской территории будут находиться под юрисдикцией советского Главнокомандующего. Все лица китайского гражданства как гражданские, так и военные будут находиться под китайской юрисдикцией. Эта юрисдикция будет также распространяться на гражданское население на китайской территории даже в случае преступлений и проступков против советских вооруженных сил, за исключением преступлений и проступков, совершенных в зоне военных операций, которые подлежат юрисдикции советского Главнокомандующего. В спорных случаях вопрос будет разрешаться по взаимному соглашению между советским Главнокомандующим и представителем Национального правительства Китайской Республики» (ст. 6).

Таким образом, преступления, совершенные на территории союзных нам государств как гражданскими лицами, так и военнослужащими, подданными этих государств, даже если они направлены против советских вооруженных сил, подсудны судам этого

государства по его законам и лишь в случае их совершения в зоне военных действий — советским судам по советским законам.

Преступления, совершенные советскими военнослужащими на территории союзного государства, занятой советскими войсками, подсудны советским судам по советским законам.

Вопрос о советских гражданских лицах в Соглашениях с союзниками остался непредусмотренным.

Г. Преступления, совершенные военнослужащими неприятельских армий, являющиеся нарушением международного права войны, если эти действия были направлены против советских граждан, подсудны советским судам по советским уголовным законам; если они были направлены против граждан других государств, то виновных следует выдавать соответствующим правительствам для суда по законам этих государств в соответствии с декларацией Тегеранской конференции.

То, что лица, нарушающие международное право войны, должны нести уголовную ответственность вне зависимости от своего гражданства и службы в армии, является сейчас одним из основных положений международного уголовного права. Уже 4-я Гаагская конвенция 1907 г. установила, что присоединившиеся к ней государства должны будут дать «...своим сухопутным войскам наказ, согласный с приложенным к ...конвенции Положением о законах и обычаях сухопутной войны» (ст. I). Эта же конвенция устанавливала, что «...воюющая сторона, которая нарушит постановления указанного Положения, должна будет возместить убытки, если к тому есть основания, и что она будет ответственна за все действия, совершенные лицами, входящими в состав ее военных сил» (ст. 3).

Версальский мирный договор 1919 г. содержал положение, что «германское правительство признает за союзными и объединенными державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиненных в совершении действий, противных законам и обычаям войны. Предусмотренные законом наказания будут применяться к лицам, признанным виновными. Это постановление будет применяться независимо от всяких процессов или преследований в суде Германии или ее союзников». Было установлено также, что Германия обязана выдать соответствующей державе лиц, обвиняемых в совершении действий, противоречащих законам или обычаям войны (ст. 228). Лица, совершившие действия против граждан одного из союзных или объединяющихся держав, должны быть преданы в полном суде этой державы. Лица, совершившие действия, направленные против граждан нескольких союзных и объединяющихся держав, должны быть преданы военным судам, состоящим из членов, принадлежащих к военным судам заинтересованных держав (ст. 229), и, таким образом, устанавливалась ответственность не перед судом и по законам своего государства, а перед судом и по законам государства, являющегося потерпевшим. Как

известно, эти положения Версальского мирного договора практически применения не нашли.

Вашингтонское соглашение 1922 г. устанавливало, что «любое лицо, находящееся на службе любой державы, которое нарушило бы одно из этих правил (установленных Вашингтонским соглашением), будет рассматриваться как нарушитель закона войны и будет подлежать суду и наказанию как за акт пиратства» (ст. 3).

Во время войны с фашистской Германией имел место ряд деклараций и заявлений, устанавливавших индивидуальную уголовную ответственность лиц, принадлежавших к германской и союзным с ней армиям, и гражданских лиц за военные преступления, совершенные ими. Так, 25 октября 1941 г. в связи с массовыми казнями заложников во Франции президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт заявил: «Убийства десятков невинных заложников в качестве репрессии за отдельные нападения на немцев в странах, жестоко оказавшихся под пятой нацистов, вызывают возмущение всего мира, уже привыкшего к страданиям и зверствам... Это акты отчаявшихся людей, в душе своей знущих, что они не могут победить. Террор никогда не может принести мир Европе, он только сеет ненависть, которая в конце концов приведет к страшному возмездию».

В Лондонской декларации от 13 января 1942 г. девять союзных стран, оккупированных Германией (Бельгия, Чехословакия, Свободная Франция, Греция, Люксембург, Голландия, Норвегия, Польша, Югославия), заявляли, что «...одной из основных целей войны они считают наказание путем организованного правосудия тех, кто виновен и ответствен за эти преступления, независимо от того, совершены ли последние по их приказу или лично, или при их соучастии, в любой форме» и что они «исполнены решимости в духе международной солидарности проследить за тем, чтобы виновные и ответственные, каковы бы ни была их национальность, были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы и чтобы вынесенные приговоры были приведены в исполнение» (ст. ст. 3 и 4).

Рузвельт 21 августа 1942 г. заявил, что «Справедливость требует, чтобы они (захватчики) получили предупреждение о том, что придет время, когда они должны будут предстать перед судом в тех самых странах, которые они сейчас угнетают, и нести ответственность за свои деяния», а 7 октября 1942 г. он вновь подтвердил, что «Целью американского правительства, а также ...и целью других объединенных стран является то, чтобы виновники этих преступлений ответили за них перед законным судом после того, как будет одержана победа ...американское правительство желает, чтобы успешное завершение войны обеспечило также передачу в руки объединенных стран этих преступников войны». «... Наше намерение, — писал он, — состоит в том, чтобы было наложено справедливое и подлинное наказание на клику лидеров, ответственных за организованные убийства тысяч невинных людей и за совершенные ими зверства...».

Советское правительство в ряде своих заявлений и нот неоднократно подчеркивало ответственность военных преступников (как гражданских лиц, так и военнослужащих) за совершенные ими преступления.

25 ноября 1941 г. товарищ Молотов в ноте Народного Комиссариата Иностранных Дел возлагал всю ответственность за бесчеловечные действия германских военных и гражданских властей на преступное гитлеровское правительство Германии. В ноте Наркоминдела от 6 января 1942 г. говорилось, что «Советское Правительство заявляет, что оно возлагает всю ответственность за ..бесчеловечные и разбойничьи действия германских войск на преступное гитлеровское правительство Германии».

В ноте Наркоминдела от 27 апреля 1942 г. содержалось утверждение, что «Гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов».

В ноте Наркоминдела от 14 октября 1942 г. советское правительство заявляло, что оно «..одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров».

Советское правительство заявляло, что оно «..готово поддерживать направленные к этой цели практические мероприятия союзников и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче и передаче суду и суровому наказанию гитлеровцев и их сообщников, пилонных в организации, поощрении и совершении преступлений на оккупированной территории».

2 ноября 1942 г. была организована Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Согласно Указу от 2 ноября 1942 г., «За все чудовищные преступления, совершенные немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, и за весь материальный ущерб, причиненный ими советским гражданам, колхозам, кооперативным и другим общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Советского Союза, преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники несут всю полноту уголовной и материальной ответственности».

В своем докладе о XXV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1942 г. товарищ Сталин сказал: «Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. устанавливал ответственность иностранных граждан за злодеяния, совершенные ими на советской (оккупированной) территории вне зависимости от того, являются ли виновные гражданскими лицами или военнослужащими.

В ноте Наркоминдела СССР от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатировавших невольный труд советских граждан в Германии», было сказано, что «Советское Правительство возлагает прежде всего на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армии всю полноту ответственности за эти подлые преступления, совершенные в грубое нарушение общеприятых правил ведения войны». «Советское Правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведут набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию». «Советское Правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бесчеловечно эксплуатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести всю ответственность за причиненные ими советским людям бесчисленные лишения и страдания».

Декларация Сталина, Рузвельта и Черчилля от 2 ноября 1943 г. устанавливала, что «..Немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников и критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас оплачиваются от врага, должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершили насильствие. Три союзные державы наверняка найдут их, даже на краю света, и передадут их в руки обвинителей с тем, чтобы могло совершиться правосудие».

В своем докладе о XXVI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1943 г. товарищ Сталин говорил, что «Вместе с нашими союзниками мы должны будем принимать меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния»¹.

¹ И. В. Сталин, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», 4-е изд., М. 1944, стр. 116.

В февральском 1945 г. заявлении о результатах работы Крымской конференции руководителей трех союзных держав: Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, говорится: «Нашей непреклонной целью является... подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию...».

После окончания войны с фашистской Германией в сообщении Берлинской конференции трех держав устанавливалось, что «Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении преступлений и тех, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, а также тех, кто участвовал в осуществлении преступлений, подлежащих военному суду, должны быть арестованы и переданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы» (ст. 5 разд. III).

В сообщении о Берлинской конференции, в разделе «О военных преступниках», содержалась также ссылка на обсуждение в Лондоне, имеющее своей целью достижение соглашения о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления по Московской декларации 1943 г. не относятся к определенному географическому месту. Три правительства в этом сообщении подтвердили свои намерения передать этих преступников скорому и справедливому суду.

Переговоры, которые велись в Лондоне между представителями Союза ССР, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской республики по вопросу о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, были закончены 8 августа 1945 г., и была достигнута полная договоренность по этому вопросу. Был учрежден Международный военный трибунал для суда над главными военными преступниками европейских стран, состоящий из представителей СССР, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской республики.

Заключенное «Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и временным правительством Французской республики «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» вновь подтвердило, что «Ничто в настоящей Декларации не умаляет установленных Московской Декларацией положений о возращении военных преступников в страны, где ими были совершены преступления» (ст. 4) и что «Ничто в настоящей Декларации не умаляет компетенции и не ограничивает прав национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками» (ст. 6).

Наконец, «Закон о реорганизации немецкой судебной системы» от 30 октября 1945 г. установил, что на уголовные «преступ-

ления нацистов, их пособников и других немцев против граждан и имущества союзных государств, а также посягательства, направленные к восстановлению нацистского режима или деятельности какой бы то ни было нацистской организации» (п. «б» ст. III), юрисдикция немецких судов не распространяется.

Таким образом, имеющиеся международные акты, ноты и декларации за период Великой Отечественной войны и после ее окончания дают возможность установить следующие принципы международного уголовного права в отношении военных преступников:

1) Военные преступники, к каким бы национальностям они ни принадлежали и гражданами какого государства ни были — военнослужащие или гражданские лица, отвечают за совершенные ими международные военные преступления по законам того государства, на территории которого или против граждан которого они совершили соответствующие преступления.

2) Военные преступники, чьи преступления распространяются не только на граждан одного какого-нибудь государства, но на граждан ряда государств, и особо важные военные преступники отвечают перед Международным военным трибуналом на основании специальных положений.

3) Военные преступники, относящиеся к категории, указанной в п. 1, в какой бы стране они ни находились, должны быть выданы для суда тому государству, которому они подсудны. Военные преступники, относящиеся к категории, указанной в п. 2, должны быть выданы Международному военному трибуналу.

Д. Большое значение имеет также вопрос о законах, действующих в отношении военнопленных, который нашим уголовным законодательством вообще не предусмотрен. Между тем, вопрос этот предусмотрен в большинстве национальных уголовных законодательств.

Действие национального уголовного закона в современном праве распространяется также и на военнопленных. На преступления, совершенные военнослужащими во время нахождения их в плену, распространяются законы той страны, в плену которой они находятся. На преступления, совершенные военнослужащими до нахождения в плену, распространяется уголовное законодательство той страны, на территории которой и против граждан которой они совершили преступления, если по характеру их деятельности они не подсудны Международному военному трибуналу. Само понятие военнопленного далеко неодинаково.

По мнению германского Генерального штаба, которое было высказано еще в 1902 г., военнопленными могут быть:

1) государь со всеми носящими или способными носить оружие членами своей семьи, вообще, глава иностранного государства и министры, руководящие политикой, хотя бы они и не принадлежали к составу активной армии;

- 2) все лица, принадлежащие к составу вооруженных сил;
- 3) все приданные войскам дипломаты и гражданские чиновники;

4) все гражданские лица, состоящие при армии с разрешения штаба армии (возчики, маркитанты, поставщики, корреспонденты газет и т. д.);

5) все лица, деятельность которых имеет существенное значение для войны, например высшие сановники, дипломатические курьеры и т. д.;

6) все лица, в свободе которых кроется опасность для военных сил другого государства, например враждебно настроенные журналисты, вожаки партий, выдающиеся своим влиянием на политику, священники, подстрекающие население, и т. д.;

7) все население области в случае общего восстания на защиту родины¹.

Таким образом, как правильно писал в свое время Кравченко, согласно воззрению германского Генерального штаба, «собственно говоря, всякое лицо, даже независимо от пола и возраста, может быть включено в категорию подлежащих военному плену, и притом включено не экспромтом, а, если можно так выразиться, на заранее предусмотренном, в своем роде «законном» основании: достаточно просто признать пребывание данного лица на свободе почему-либо не соответствующим видам и интересам воюющего»².

В действительности, в соответствии с действующим положением международного права, как военнопленные рассматриваются:

а) все военнослужащие, входящие в состав неприятельской армии (ст. 1 приложения к Гаагской конвенции);

б) все лица, состоящие в составе ополчения, или добровольцы, если они удовлетворяют следующим требованиям: 1) во главе их стоит начальник, который за них отвечает, 2) носят определенные, заметные издали отличительные знаки, 3) открыто носят оружие, 4) соблюдают законы и обычаи войны (ст. 1 приложения к Гаагской конвенции);

в) население незанятой территории, которое при приближении врага оказывает вооруженное сопротивление его войскам, если оно открыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны (ст. 2 приложения к Гаагской конвенции);

г) все лица, принадлежащие к вооруженным силам врага, которые на протяжении военных действий, на море или в воздухе, взяты в плен (ст. 1 Женевской конвенции);

д) лица, следующие за войском, но непосредственно и нему не принадлежащие (ст. 81 Женевской конвенции).

Различные взгляды имеются и по вопросу о подследности военнопленных.

¹ «Военные обычаи в сухопутной войне» (составленные германским Генеральным штабом в 1902 г.), пер. Михальсона, СПб, 1904, стр. 14.
² Н. П. Кравченко, Официальная германская доктрина о военнопленных. Известия Министерства иностранных дел, 1915, стр. 89—90.

В качестве основания для утверждения о том, что военнопленные за преступления, совершенные ими до того, как они стали пленными, отвечать не могут, выдавалось то, что в соответствии с положениями международного права военнослужащие, оккупирующей неприятельскую территорию, пользуются правом экстерриториальности. Это положение поддерживалось специалистами в области международного права (Лист, Гарейс, Аридт). Однако и среди них были представители противоположного направления (Ульман, Блунтшли). Это положение, однако, не может быть обосновано нормами международного права. Верно лишь, что лица, входящие в состав войсковых частей в мирное время, находящиеся по какому-либо поводу или проходящие через территорию какого-либо другого государства, с разрешения последнего пользуются правом экстерриториальности, однако распространять это положение по аналогии на интересующий нас случай нет никаких оснований.

Выдвигалось также утверждение, что основанием здесь является то, что государство не может подлежать суду другого государства (принцип *par la rigea non habet impetium* был известен еще каноническому праву), а то, что относится к государству, относится и к его органам (главе государственной власти, дипломатическим представителям, войску, как носителю государственного суверенитета).

Этого же мнения придерживались Бернер, Аридт, Борнгар, однако это положение было опровергнуто работами Белиша, Кордта и др. Действительно, если придерживаться этой точки зрения, то надо распространить экстерриториальность на иностранного офицера, занимающегося шпионажем, и уже во всяком случае на консулов, которые, как известно, в большинстве случаев правом экстерриториальности не пользуются.

Выдвигалось также положение о том, что войска, находящиеся на вражеской территории, подлежат юрисдикции своего государства и потому не могут подлежать одновременно юрисдикции и другого (вражеского) государства (Аридт, Бар, Бернер). Однако это положение не может служить обоснованием для исключения ответственности, так как не только в этом, но и во многих других случаях одно и то же деяние и одно и то же лицо могут подлежать юрисдикции разных судов. Такое положение будет всегда иметь место не только при применении универсального, но и при конкуренции национального, территориального и реального принципов применения закона.

Француз, совершивший убийство в РСФСР, должен быть на основании французских законов судим во Франции, а на основании ст. 4 УК РСФСР — в РСФСР.

Утверждение о том, что в соответствии с положениями международного права при занятии неприятельской территории оккупационная армия, оккупировавшая страну, приобретает власть на оккупированной территории и ранее действовавшая государственная власть теряет свое значение (Аридт, Гарбургер, Коллер), не со-

ответствует правилам, установленным международными конвенциями, которые, напротив, требуют, чтобы на оккупированной территории «связались существующие в стране законы...» (ст. 43 притормозились существующие в стране законы...) (ст. 43 притормозились существующие в стране законы...), а нормы национального уголовного права зачастую распространяются на преступления, совершенные за границей, если они направлены против интересов данного государства или его граждан.

Таким образом, юридически обосновать исключение ответственности военнопленных за преступления, совершенные ими до пленения, нельзя, а во всех конвенциях этот вопрос оставался открытым, так как соглашение не было достигнуто. В практике имели место факты привлечения в подобных случаях к уголовной ответственности. Так, Кордт, ссылаясь на Гербауллетта, сообщает о ряде случаев привлечения к уголовной ответственности военнопленных в Германии во время войны 1914—1918 гг.¹

Неоднократно имели также место случаи привлечения к уголовной ответственности немецких военнопленных во Франции во время войны 1914—1918 гг.

Исключение ответственности военнопленных за преступления, совершенные ими до того, как они стали военнопленными, не может быть обосновано положениями международного права. Ни в международных конвенциях (Брюссельской 1874 г., Гаагской 1899 и 1907 гг. и Женевской 1929 г.), ни в обычном международном праве в практике нельзя найти юридического обоснования для подобного утверждения.

В теории как уголовного, так и международного права этот вопрос явился спорным, и отношение различных авторов к решению его определялось большей частью национальными интересами того или иного государства.

Так, в период войны 1914—1918 гг. в германской литературе вначале господствовала точка зрения о недопустимости суда над военнопленными за преступления, совершенные ими до того, как они стали пленными (это мнение высказывали в 1915—1916 гг. Ариэт, Коллер, Штупп, Мюллер-Мангейм, Гербауллетт и другие авторы). Она была также господствующей в более старой литературе. Причиной такого отношения являлось то, что в начале войны 1914 г. несколько немецких военных врачей и санитаров и несколько офицеров из патруля, перешедшие французскую границу и взятые затем в плен, были осуждены французским судом за реквизиции, совершенные вопреки нормам международного права. Это осуждение вызвало возмущение в Германии.

Напротив, в дальнейшем, когда германская территория была оккупирована, немецкие авторы изменили свою точку зрения и защитили положение о том, что «ведущее войну государство может безгранично применить всю карательную власть против солдат вра-

¹ L. Kordt, Die strafrechtliche Behandlung der Kriegsgefangenen, Borna—Leipzig, 1917, s. 13.

жеской армии в равной степени, как и против всяких других лиц оно в этом отношении абсолютно свободно». Ответственность распростирается на «...внеслужебное, частное поведение солдата, не имеющее никакого отношения к его воинским задачам и ведению деятельности, которые лежат за рамками военнослужебной деятельности, не может распространиться принадлежащая вражеским военнослужащим ограниченная экстерриториальность. За подобное действие «...солдат должен отвечать так же, как и всякое другое лицо. Следовательно, тот, кто, будучи солдатом, во время войны на неприятельской территории насвистывает женщинам и, при возможности, похищает предметы искусства, не действует более как комбатант, он должен быть поэтому привлечен к уголовной ответственности на общих основаниях»².

В последние годы Швинге в комментарии к немецкому уголовному кодексу по этому вопросу писал: «С другой стороны, практические обоснования, несомненно, требуют утверждения силы германской юстиции. Нельзя связывать руки германской юстиции. При рассмотрении подобных дел о военнопленных германский судья всегда должен обращать внимание на то, не вносят ли и здесь места действия, ответственность за которые в международном правовом смысле перекрыта войной и они поэтому правомерны (например, разрушение железных дорог), или действия, которые никакого отношения к военным действиям не имеют и носят чисто частный характер (например, убийство детей, изнасилование женщин)»³.

Уже перед войной 1914 г. и во время войны 1914—1918 гг. германский штаб и германская армия систематически нарушали международные соглашения о войне вообще и по вопросу о военнопленных, в частности. Германский штаб считал, что «военный обычай является единственным пока средством регулирования взаимоотношения воюющих государств» «...не было недостатка в попытках воздействовать на развитие военных обычаев в духе, прямо противоположном самой природе войны и ее конечным целям. В подобных попытках, вероятно, и впредь не будет недостатка, тем более, что такие стремления удостоились правдивого признания в некоторых постановлениях Женевской конвенции и Брюссельской и Гаагской конференций».

² Kordt, Die strafrechtliche Behandlung der Kriegsgefangenen, Borna—Leipzig, 1917, S. 16, 34.

Такого же мнения придерживались по данным Kordt'a: Bering, Strafrechtliche Behandlung der Exterritorialität и в ряде других работ; Roman и Fisson, Комментарий к МСГБ и другим работам; Oplar (LStrRW, Bd. 37, S. 849); Cöster (DStL, 1915, S. 48).

³ E. Schwinge, Militärstrafgesetzbuch, 1940, 4 Aufl., S. 358, Berlin.

Исходя, очевидно, из этого «теоретического» обоснования, германский генеральный штаб в прямое нарушение существующих конвенций устанавливал «право казнить пленных» в следующих случаях:

а) если они (пленные) совершат преступление или проступок, которые по гражданским или военным законам наказываются смертной казнью;

б) сопротивления при попытках к бегству;

в) в виде репрессалий в случаях неизбежной и крайней необходимости;

г) грозящей опасности, если нет другого средства обеспечить себе спасение и когда в существовании пленных кроется опасность для собственной жизни.

Даже Лист, всецело поддерживавший германские империалистические тенденции и оправдывавший эти действия, считал, что «В современной войне плен является только арестом в целях безопасности с пощадой жизни, здоровья и имущества пленных»¹, но германский штаб исходил из того, что «становиться принципиально раз навсегда на такую точку зрения (отрицания репрессалий), основанную на вполне понятном, хотя и преувеличенном и целесообразном чувстве гуманности, значит, однако, иметь неправильное представление о значении, серьезности и правах войны. Нельзя упускать из виду, что военная необходимость и безопасность государства и здесь стоит на первом плане, а не соображения о том, чтобы во что бы то ни стало не трогать пленных».

Германское командование прославилось своими варварскими действиями в отношении военнопленных и в войне 1914—1918 гг. Командующий 58-й бригадой генерал Штенгер издал тогда следующий приказ: «Начиная с сегодня, пленные братья не будут. Все пленные будут умерщвляться. Раненые с оружием или без оружия будут предавы смерти. Пленные, сдающиеся даже большими группами, будут умерщвляться. Позади нас не должно оставаться ни одного живого человека». Этот приказ был выполнен, и показавшие пленных из этой бригады подтвердили, что многочисленные французские раненые были прикончены ружейными выстрелами².

По мнению германского генерального штаба, «если к тому принудит поведение пленных, должны быть оправдываемы даже такие меры, которые могут захватить с виновными и невинными пленными»³.

Кордт утверждал, что если твердо установлено, что враг убивает военнопленных немецких солдат, то немецкое военное командование может для того, чтобы по возможности предупредить нарушение противником военного права в будущем, с своей стороны приказывать убивать военнопленных. Кордт считал, что в случаях

нарушения правил войны, если действительные виновники не захвачены, командование может «покарать совершенно неграмотных лиц, принадлежащих к неприятельским вооруженным силам за действия врага, нарушившие международное право»⁴.

Естественно, что не за все преступления, предусмотренные уголовным кодексом и, в частности, главой о воинских преступлениях, военнопленные могут быть привлечены у нас к уголовной ответственности. Так:

1) Военнопленные не могут отвечать за изменнические преступления, так как субъектом этих преступлений может быть только гражданин СССР. Исключается, таким образом, возможность квалификации деяний военнопленных по ст. ст. 58-1 «а» и 58-1 «б», но не исключается ответственность по ст. ст. 58-3, 58-6 УК РСФСР за деяния, совершенные после того, как данное лицо было взято в плен.

2) Из самого положения военнопленного вытекает, что он не может быть субъектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 193-10, 193-10«а», 193-11, 193-12, 193-13, 193-15, 193-16, 193-17, 193-18, 193-19, 193-20, 193-21, 193-22, 193-23, 193-25, 193-30, 193-31 УК РСФСР.

3) Исключением из общего положения является и то, что «Лица, бежавшие из плена и задержанные ранее, чем они покинули территорию, занятую армией, взявшей их в плен, подлежат дисциплинарному взысканию. Военнопленный, удачно совершивший побег и вновь взятый в плен, не подлежит никакому взысканию за свой прежний побег» (ст. 8 Гаагской конвенции, ст. 58 Женевской конвенции). Попытка к побегу, даже если имеет место рецидив, не влечет за собой уголовной ответственности.

Лица, виновные в совершении военных преступлений, в соответствии с современным международным правом могут и должны быть судимы, если они взяты в плен, и должны быть выданы, если они находятся на территории другого государства.

Как мы уже указали выше, еще Версальский договор устанавливал, что лица, «совершившие действия против граждан одной из союзных и объединившихся держав, будут преданы военным судам этой державы» (ст. 229). Согласно тому же Версальскому договору «германское правительство признавало за союзными и объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противоречащих законам и обычаям войны, а германское правительство обязано выдавать союзным или объединившимся державам или той из них, которая обращается к Германии с просьбой о выдаче лиц, повинных в совершении действий, противных законам и обычаям войны» (ст. 228).

Декларацией о поражении Германии правительствами Союза ССР и властью в отношении Германии правительствами Союза ССР.

¹ Kordt, Die strafrechtliche Behandlung der Kriegsgefangenen, Bonn - Leipzig, 1917, s. 31.

¹ Лист. Международное право, Юрьев, 1917, глава 4, § 40.
² Сборник «Так говорит Германия», Петроград, 1915. Судивший Штенгера после окончательной войны немецкий суд вынес ему оправдательный приговор.
³ «Военные обычаи в сухопутной войне», стр. 16.

Соединенного Королевства и США и Временным правительством Французской республики установлено, что:

«а) Главные нацистские лидеры, указанные представителями союзников, и все лица, чьи имена, ранг, служебное положение или должность будут время от времени указываться в совершении, подстрекательстве или издании приказов о проведении военных или аналогичных преступлений, будут арестованы и переданы представителям союзников.

б) Положения пункта «а» относятся к любому гражданину любой из Объединенных наций, который обвиняется в совершении преступления против своего национального закона и чье имя, ранг, служебное положение или должность могут быть в любое время указаны представителями союзников.

в) Германские власти и народ будут выполнять издаваемые представителями союзников распоряжения об аресте и выдаче таких лиц» (ст. 11).

Такие же обязательства, в несколько иных формах, были приняты на себя правительствами Румынии, Болгарии, Финляндии. В соответствующих соглашениях говорится: «Правительство и Главное командование Румынии обязуется сотрудничать с союзным (Советским) Главным Командованием в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними» (ст. 14); что «Болгария будет сотрудничать в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними» (ст. 6); что «Финляндия обязуется сотрудничать с союзными державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними» (ст. 13).

Гражданские лица и лица из персонала Красного креста, которые, согласно Женевской конвенции, как военнопленные рассматриваться не могут, должны отвечать за совершенные ими на советской территории преступления на основе общих принципов действия советского уголовного закона, т. е. за все преступления, совершенные на советской территории, они должны отвечать по нашим законам перед нашими судами (ст. ст. 3—4 УК РСФСР).

Е. На преступления, совершенные советскими военнослужащими, входящими в состав армейских соединений или частей, находящихся на территории другого государства как союзного или дружественного нам, так и вышедшего из войн или воюющего с нами, распространяется советское уголовное законодательство.

В литературе по международному уголовному праву часто приводится инцидент в Казабланке, бывший предметом рассмотрения Гаагского третейского суда 22 мая 1909 г.

Обстоятельства дела заключались в том, что 25 сентября 1908 г. на берегу Казабланка (оккупированного французами) сол-

датою Французской оккупационной армии генерала Дамат было оказано сопротивление сотрудникам немецкого консульства, которые организовали побег и хотели погрузить на корабль шесть немецких дезертиров из расположенного в Марокко иностранного (французского) легиона. При этом имел место факт насилия. Французского военнослужащего применил силу в отношении солдата немецкого консульства и угрожал револьвером секретарю. Германское правительство требовало выдачи виновных для суда, и вопрос этот правительствами Германии и Франции был передан на рассмотрение Гаагского третейского суда, который отказал германскому правительству в его требованиях. Правильно указывается на то, что это решение относилось не к вопросу о военнопленных, а к вопросу о выдаче дезертиров. Принципиальное значение здесь имеет то, что Гаагский третейский суд признал, таким образом, исключительную юрисдикцию судов оккупирующей страны в отношении лиц, принадлежащих к оккупационной армии¹.

Ж. Из изложенного следует, что в ряде случаев советские суды могут и должны за границами СССР рассматривать значительное число уголовных дел, причем, естественно, возникает вопрос, каким уголовным законодательством в этих случаях следует пользоваться.

Не вызывает сомнения, что в тех случаях, когда советские суды за границами СССР рассматривают уголовные дела, полностью действует уголовное законодательство Союза ССР (Положение о государственных преступлениях, Положение о военных преступлениях, Закон от 7 августа 1932 г. и т. д.). Что же касается уголовных кодексов союзных республик, то теоретически и практически возможно двойное решение вопроса: либо действует всегда и везде один из уголовных кодексов (очевидно, РСФСР), либо признается то, что всякий, действующий за пределами СССР, суд руководствуется законами той союзной республики, которым он пользовался ранее. Как одно, так и другое решение вопроса, имеет свои недостатки и свои преимущества.

Применение везде кодекса РСФСР, как мы полагаем, не может быть совместно с признанием суверенитета союзных республик. Очень трудно принципиально обосновать, почему военный трибунал войскового соединения, руководствовавшийся на территории СССР кодексом УССР или БССР, при переходе через границу СССР должен немедленно начать пользоваться кодексом РСФСР. Это связано также и со значительными техническими трудностями: отсутствием соответствующих кодексов, незнанием с ними работников военной юстиции, наличием большого числа незаконченных дел, по которым руководствовались иным законодательством.

Следует иметь в виду, что между кодексами отдельных союзных республик имеется зачастую довольно существенное различие

¹ По поводу этого инцидента см. История дипломатии, т. II, стр. 199.

(например, в вопросе о покушении и приготовлении, о квалификации укрывательства и т. д.). Таким образом, применение одного кодекса до издания общесоюзного уголовного законодательства нам представлялось бы неправильным. Правда, и применение кодексов различных союзных республик за границами СССР также создает ряд технических трудностей: соединения перебрасываются из одного фронта в другой за границей и должны, очевидно, при этом сохранять свои кодексы. Таким образом, внутри одного фронта может иметь место пользование различными кодексами. Однако мы полагаем, что эти технические неудобства менее существенны по сравнению с тем, что мы изложили выше.

3. Признание возможности и целесообразности применения советских уголовных законов в отношении иностранцев за ряд преступлений, совершенных ими за границами СССР, не означает, однако, что в таких случаях применимы все меры уголовного наказания, предусмотренные советским уголовным законодательством.

Некоторые из видов наказания, очевидно, не должны применяться в подобных случаях (например, лишение прав, конфискация имущества).

Лишение прав может быть применено лишь в отношении лиц, которые этими правами пользуются. Таким образом, иностранец, который не пользуется гражданскими правами СССР, не может быть их лишен. С другой стороны, советский суд не может лишать иностранца тех прав, которыми он (иностранец) пользуется как гражданин своей страны, так как это не входит в компетенцию советского суда.

Применение конфискации имущества также не всегда может иметь место. Применение конфискации целесообразно иногда в отношении имущества, находящегося непосредственно при лице осужденном (личные ценности, находящиеся при деле). Применение же общей конфискации, как мы полагаем, допустимо лишь тогда, когда речь идет об имуществе гражданина враждебного государства, и тогда конфискованное имущество должно быть обращено в доход СССР. Конфискация имущества гражданина союзного государства в пользу СССР нецелесообразна, а в пользу того государства, гражданином которого он является, юридически часто невыполнима, так как законодательством большого числа государств вообще не предусмотрена общая конфискация имущества.

Опыт Великой отечественной войны показал, что вопрос о действии уголовного закона в действующем Уголовном кодексе разработан недостаточно, и это следует учесть при разработке проекта Уголовного кодекса СССР.

